

ЕЛЕНА ВЛАДИСЛАВОВНА ТАТАРИНЦЕВА

Выпускница Академии художеств им. И.Е. Репина в Санкт-Петербурге.

Специалист по фольклору и орнаменталистике, художник. Консультант Московского Центра «Социальное партнерство». Художественный редактор научно-публицистического и литературного художественного альманаха Status Quo.

E-mail: lena@spcenter.ru

АНДЕГРАУНД И РАЙ

Андеграунд – это то, что прорастет...

Из разговора с подругой

Каждый обряд, как, впрочем, и каждый поступок, выполненный сообразно с законами миропорядка, способствует трансмутации тончайших элементов человеческого существа и облегчает его возвращение к состоянию первозданной цельности и простоты, то есть к райскому состоянию.

Люк Бенуа. Очерк о Рене Геноне

Эта статья – попытка разделения явлений «живого» и «не-живого» в рамках привычного изменения в окружающем мире этических и эстетических образов и форм. Результатом такого *события изменения* является обновление жизни, которое ощутимо для нас именно во внешних формах: образе героя, интерьере, стиле, языке, одежде... Даже несведущие в законах изменения его величества Стиля могут отличить киносюжеты, к примеру, 60-х от 70-х годов XX в. Но формы, внезапно как будто возникающие и одинаково неуловимо обновляющие нашу среду обитания, явление, конечно, вторичное. В основании этого изменения, как в центре сложнейшего орнаментального знака, существует *явление*, образующее, пусть кратковременную, но импульсивную (пульсирующую) систему творческих человеческих **взаимоотношений**. Собственно, данное понятие, **взаимоотношения**, является ключевым для нашего разговора. Возникает объединение людей, деятельностью которых является переосмысление изначальных символов, первооснов бытия, влияющих на нашу жизнь, и, в конечном счете, обновление ментальной среды. Люди в эпицентре данного объединения прекрасно чувствуют то, что данное переживание, в том числе, чувство единения – ни с чем не сравнимое явление. Все, что существует во внешней жизни или существует для них потом – лишь ущемление его. Но пока этот позитивный и светоносный заряд жизни накапливается в недрах общественных пластов и группировок, он невидим и ощущается только самими членами объединения. Общественное сознание – само его жаждущее – как бы освобождает ему место, вытесняя из своего сознания все устаревшие формы своего представления о мире. Процесс этот – болезнен для общества, которое хочет обновления, и, одновременно, охраняет уныло «тяжелую материю» старого общественного устройства, с его устаревшей образностью, которую само же обозначило как незыблемое. В подполье,

в нижних этажах этой, на самом деле, способной к изменению материальности – и живет андеграунд – это бескорыстное **взаимоотношение** – единение, которое человечество переживало только в Эдеме... Андеграунд как обозначение жизни и, несомненно, уникальных, бескорыстных отношений.

Родственности понятий «андеграунд» и «рай» не замечают исследователи, анализирующие современное состояние культуры и жизни. Даже, наоборот, андеграунд кажется немислимым в сравнении с Раем, кажется «скандальным», если, конечно, представить Райский сад чем-то застывшим и косным, некой «розовой» картинкой, в которой передвигались идеализированные фигурки его обитателей. Усложняет положение вещей и проникновение «идей рынка» в интеллектуальную среду. А приученного к порядку в определениях и характеристиках «научника» и даже рядового обывателя всякий раз ставит в тупик произвольное использование в «попсовой» среде (по причине модности) точных по своей сакральной сути терминов, таких, например, как «культовый», «андерграундный», «харизматичный», «альтернативный»...

О трудностях перевода. «Отец Этики» рекомендовал «*Lathe biosas*» – что переводят обычно как «живи незаметно». С «живи» всё понятно, а вот «лате» скорее передаёт медицинское «латентный», что ближе к характеристикам андеграунда – не броско (не «забирая на себя») а равновесно взаимосвязано, деликатно, подспудно-глубоко. Из контекста всего учения видно – это и имелось в виду в отличие от «... незаметно» легко понимаемом, как «живи затворником», «прячься» или даже «маскируйся», словно «боец невидимого фронта».

Попробуем внести ясность и в понятия «Рай» (Райский сад, Эдем). В отличие от ставших абстрактными позитивных понятий, выдвинутых социумом: «лидер», «гений» и т.д. (удобно применимых для возвеличивания чего (кого) угодно), «Рай» в общенародном представлении, при абсолютности позитива, *утилитарное* явление. Это *срез общення* – уютно-жизнерадостный, а не определённая пространственно-временная область совокупных людских надежд. Мы говорим «рай», «райское», когда одинаково испытываем чувство или состояние, которое родственно светлой радости жизненных ощущений. Мы, если даже не оцениваем *это* состояние сразу – очень хорошо понимаем, когда теряем, когда остаемся во власти негативных проявлений нашего мироощущения – ощущения «брошенности», «серости» окружающего мира, тоски, одиночества, гнева, обиды и т.д.

Но, несомненно, есть определенный и ясный, накопленный человечеством тысячелетиями духовный опыт, который невозможно не учитывать, говоря о Рае. Как правило, все этические построения и философские умозаключения, находящиеся в плоскости антропологических изысканий, переживают или дискутируют именно вопрос реальности Рая, удаленности или приближенности к области представлений или памяти о нем. Религиозные учения, вообще, объясняют, как известно, все негативные проявления человеческого бытия богооставленностью или потерей Рая... Рай описан *всеми* мифами народов мира, мечта о нем заложена во всех человеколюбивых (но не человекоцентричных) священных текстах и устных преданиях. Попытки изображения Рая предпринимались всею мировой культурой.

В *образе* или в *состоянии* «Рая» (по представлению живущих) есть черты, которые идентифицируются одинаково в любые времена, при любой культуре:

- *Любовь и доверие к Богу-Создателю*, неэксцентричное ощущение Бога, любовь и доверие к которому не принимает абстрактные формы, а – ощущается прочной добротностью Бытия;

- *Антропийность* – человечность – эта «характеристика» личности, ощущающей состояние «Рая» во взаимодействии с **миром**. Здесь проявляется естественная её

открытость миру и полная доступность *значимого* Знания о мироздании (от личности и к личности). Созерцательное развитие, полнокровное самопознание. *Со-чувствие* и любовь к человеку и неверие в коренную его испорченность. **Это интерес к миру через человека**, рассматривая их в равноправном взаимодействии;

- *Анархия*, понимаемая в исходном, не дискредитированном как «беспорядок» смысле, а как *непотребительство* (у даоса Жуан Цзы: *Естественный Человек на примере образа негодного в производство дерева*). Существует равновесие между востребованностью человека (как такового, а не «винтика» неких сил – политических, маркетинговых и т.д. технологий), его творчески, духовно и другого самобытного вклада, когда, никто, кроме «венца творения» проблему (задачу) решить не в состоянии;

- *Связи*. Начало *традиции взаимоотношений*. Связи (традиции) орнаментального бытия Рая являются символической его сущностью, критерием жизнестойкости его составляющих. Традиция дает индивидууму покой и потенциал созерцательного глубокого развития, *развития восточной мандалы*, которая позволяет соединиться с сущностными свойствами живой, изначальной материи и реальным Раем (движение индивидуума вглубь – взаимоотношение с духовным миром);

- *Всеединство*. Вспоминая утверждение православной русской философии XIX–XX вв., и говоря о взаимодействии, в нашем изложении поставим «всеединство» как увязанность выше перечисленных ориентиров и основную «составляющую» Рая... Потому что *антропийность, отсутствие централизованного управления и связанность* являются составляющими самого всеединства. В космогонии древних оно воспринимается как объективное живое, вбирающее всё бытие Общее существо – например (в разных культурах) *Паньгу, Пуруша и... Адам Кадмон*. Отсюда – нельзя не любить, скажем, свой палец или не учитывать потребности своего сердца... Как уничтожить что-то (и в мироздании, разумеется) *если это – все я*. Такой образ жизни исключал приверженность моноидею. Приоритет *любого со-беседника или попутчика* – основополагающий критерий позитивного действия, безусловная Личность, требующая равного *со-общения* с нею.

Если рассматривать развитие «от Рая к современности» *как линейное*, то Рай близок к древности, или, точнее, к нашим устоявшимся представлениям о ней. Привычно связывать «потерю Рая» с воцарением цивилизации, но – корректнее говорить об изменении *сознания* людей, тех его аспектов, которые связаны с представлениями о жизни и смерти, с основными этапами и вечным окружением человеческого существования: рождением в мир, осознанием дома, родителей, природы, любви и счастья, общения и творчества, старости и приближения смерти. У древних сознание не было дифференцировано в аспекте личностном настолько, чтобы выискивать **особых** героев. Мистериальная коллективная ответственность осмысливала ценности общего сознания, монолитность которого обеспечивало всеобщее благополучие.

После «проживания» и осмысления человечеством многочисленных этапов развития личностного сознания, начиная с того исключительного импульса, который был дан великими мировыми религиями, обращающимися к личности и ее созреванию, мы можем, обернувшись назад, говорить о значимости возвращения к изначальным коллективным ценностям. Если вернуть их **современному типу коллективного мышления** – мы будем иметь очевидным результатом некоторый «запас» базовых ценностей среди безвоздушной системы государственных формальных ценностей.

Любые государственные формы отношений стареют и образуют некую большую «коросту», которая покрывает общество, не давая ему возможности развиваться, *жить*. Внутри этой застаревшей системы некоторым движением является только

насильственная динамика (передвижение вследствие катастроф, миграции, вызванные экономическими спадами, локальными войнами, разрушениями). Увеличиваясь в объеме, насильственная динамика, наконец, прорывает застаревший механизм общества. Здесь как раз и включается, *пассивно*, резерв *статических* сил, отношений, памяти Рая. (*Выдвигаемое нами утверждение коренным образом отличается от современной теории катастроф – как единственного стимула развития человеческого общества*). Очевидно, что – необязательно создавать катастрофу, чтобы вспомнить то, что является основным и естественным. В этом *естественном андеграунд*, в нашем контексте, и составляет основу.

Но необходима объективность учебного пособия, чтобы уловить особенности андеграунда как проявленности Рая.

Основные признаки андеграунда и андеграундной личности:

- *Сердечное познание* как способ жизни естественен и заложен в любом человеке от рождения (пользуются этим даром не все, соглашаясь на готовые схемы). Андеграунд невозможен в культурах областях знаний, которые только косвенно затрагивают человека. Поворот современной философии и науки к познанию *сути человека* (антропийность) – является наиболее прогрессивным итогом времени «разгосударствления» и оптимистичен для развития и жизни самой науки;

- *Гармония, Лад – внутри самого индивида* – ясная мыслеобразность, *живая статика*. «Статика» в нашем изложении знаково выражается *круговой спиралью* и характеризуется развитием вглубь. Проявлением её в мире являются созерцательное творчество, кроткий молитвенный труд... Такое состояние индивида или явления может подразумевать готовность к андеграундным или эдемским связям;

- *Глубокий внутренний аристократизм* пустынников, святых, рыцарей, одаренных детей. Здесь исключается любое «стяжательство», жадность и зависть к материальным благам. Чем «сливки сливок общества» более аристократичней, тем у них беспасфоснее подача своего раритетного содержания, как правило – это родовая «непаздкость» на соблазны мира, в силу спокойного отказа от них;

- *Орнаментальное (ритмическое)* отображение мира в андеграунде, прежде всего, подразумевает внутреннюю опору на традицию. Практически любую, выверенную длительностью времени, закрепляющую духовные достижения поколений: от народной (родовой), самой естественной, идущей от архаических ценностей, до более поздних: рыцарских, воинских, сословных, религиозных, научных. Нарушающий традицию, некий Кодекс Чести знает, *что* он нарушает – не знающий традицию – «болтается в воздухе» или путанице бесконечных, неосознанных нарушений этических границ. Пример Мирового (Райского) Древа, фрактально ветвящегося, где самостоятельные элементы, по сути, неотличимы по структуре от целого, и, при взаимозаменяемости, уникальны;

- *Творческий акт, творческое действие, творимое орнаментальными объединениями*, в андеграундном исполнении *неотделим от самой повседневности*, где последняя мистически преобразуется, не переставая быть повседневностью, становясь насыщенной и познавательной средой для восприятия, заражая творчеством.

Но в представлении современного человека представитель «андеграундного» мира – это персонаж поп-арта и концептуальных перформенсов, всего шумного, по сути превратившего искусство в вереницу «тусовочных», коммерческих мероприятий. К этому располагает механизированный, ритмичный стиль жизни городов-мегаполисов. В них мало воздуха (физического и духовного), они не подразумевают «созерцательной остановки», той самой *статики*, располагающей к откровениям и развитию тончайшего восприятия окружающего. Состояние созерцательности, даже в интеллектуальной среде удостоивается лёгкой насмешки (некогда «остано-

виться...») – в обществе установились другие ориентиры, которые очень ненадолго дают удовлетворение и, в общем, мертвят жизнь.

Сегодня каждому дана свобода выбора и способность к познанию и восприятию всего информационного спектра, но мы выбираем грубые и однобокие элементы культуры и самого образа жизни. Это происходит потому, что наблюдение за нюансами утончённых явлений (шедевров творчества или природы) предполагает включение дополнительных сил, внимательности, на которые у нас не хватает времени. Отсюда актуальность темы Рая, не только как противопоставления *крайней динамике*, но и некой гарантии выживания для нас, заболевших синдромом суетливости и озабоченности, при выбранном нами таковом развитии – *бессвязном*, требующим постоянного разрушения вновь обретенного... определенную негативную роль играет и инерция, привычка к указаниям и подсказкам власти и средств массовой информации.

Последуем Эпикуру и главным инструментом познания поставим чувства. В нашем вопросе есть два вида чувства. Первое, с большой буквы, то, что ищет каждый (чем владели уже в Вечности – иначе не ощутили бы радости, встретив). Второе – навязанное и принятое, проба вкуса – «вкусовщина». В обществе потребления, куда всё больше скатывается мир, царствует инквизиторский принцип «палкой в «рай»». Никаких серьёзных критериев. Если что-либо выбрал (заранее всё «освящено» – самим процессом покупки) владей своим «счастьем», ты нашёл «истину» (на один момент). «Не нравится, – говорят на TV – выбери другой канал». В этом может родиться только цинизм, а была бы полезна самоирония, которая только и может устранить эту полную человеческой гордыни серьёзность. «Властители дум» не ориентируются на исходно-естественную *со-гласованность*, а пытаются «поправить творение». Употребление ими понятий «норма», «гармония» и т.п. обречено на неуместность, ибо всё, что в их исполнении будет, выйдет условным событием – массово заявленной, концептуально договорной версией. Успех предусмотрен – «пипл схавает» (в альтернативу, по Эпикуру: «Только образованный человек свободен»).

Везде, где дают истинное определение андеграунду, как минимум, предполагают, что это явно не main stream, не продажно, поразительно, но не шокирует (тогда бы это была альтернатива), так как уважает человека, и, в силу этого, не призывает (тогда бы это был авангард).

Андеграунд и Рай. Как видим – эти два, казалось бы, столь разных феномена в нашем интимном переживании сливаются. Смотрите. И там и там – нет пиетета перед любимыми технологиями «окультуривания» человека, чем всегда грешит цивилизация. И там и там – безальтернативность нежности, смирения и анархистски нерегламентированного самоуправления. И там и там – «визитной карточкой» является игнорирование мелочно-деспотичной по сути морали в раскрепощении естественного (перечисленных нами выше свойств андеграунда). Для индивидуума, для государства или нескольких наций среди крайней динамики иногда складываются периоды отсутствия суеты, и тогда аромат и «тонкоструйность» райского умиротворения и вдохновения через андеграунд возникают сами собой. Всё наигранное смотрится «кукольной» на фоне взаимоотношений андеграунда, весомого и качественного из-за искренней самоотдачи творчеству и любви к людям. Вспомним звук «гранжа» начала 90-х, по-детски безыскусно стонущий болью за человеческое, стиснутое в рамки денег и власти, похоронивший весь «ручной», так называемый антиобщественный рок. Похожая *непосредственность* широко зазвучала (начинает снова звучать в «Indy» – среде) в «гараже» в начале 60-х, где (собственно в гаражах), благодаря подростковой самоотверженности, прорвалась чистая, поскольку рождена не на потребу, Музыка. Наркоидные опыты «от шаманов», мистов, творцов и

скучающих обывателей воровато берут из «незашоренных» областей познания то, чем априори владеет андеграунд. Он не засоряет голову и душу лавиной мусорной информации, повседневно льющейся от разного рода авторитетов. В этой отрешённости, живой и активной, каждый будет узнаваемо напоминать собою (без всяких посвящений) некоего святого, гуру и т.п. – обитателя Рая, не специально и без пафоса. В большей или меньшей степени подобная тёплая и светлая (райская) атмосфера проросла и в энеолите, и в раннехристианских общинах, и в городах романского периода. Это роднит оптинские кельи и «сквотчи» современной элитной молодёжи, русских декабристов и «Даун-шифтеров», А.К. Троицкого, физика-философа С.П. Капицу и т.д.

Говоря «андеграунд», мы имеем в виду и «андеграундность». Это – среда сформировавшихся отношений, а не определенная личность, это – качество, *связь между*, андеграунд – *не приближение* к чему-то как «свет в конце тоннеля», *но избегание* этого тупика-идола... Юность, в отличие от детства, уже свободней и менее соблазняется на что-то – больше чувствует запах Андеграунда-Рая. Поэтому возраст андеграунда – юношеский, или, зрелости, с ещё не потерянным пониманием естественности. Андеграунд никогда не бывает «приглажен», свое понимание красоты он «ставит» выше централизованно навязываемой людям эстетики, а свое понимание этики и духовности – выше современной ему духовности «мессианства», андеграунд – это всегда вневременное явление, но всегда и современное – языком и формами самовыражения. *Время*, по словам Марины Цветаевой, говорит языком представителей «подполья» и изменяет не один язык, культуру, но мир в целом (её любимый Рильке и в некоторых произведениях – Пушкин, Гёте...). Вот пример – цитата из Рильке, в которой поэтом уникально отражена доля метафизической роли Человека на земле: «Спускаясь со склона в долину путник приносит не землю в ладонях, не часть невыразимого. Нет. Рожденное слово. Имя лилового и голубого – фиалка. *Не для того ли мы здесь, чтоб давать имена: дом, колодец, плодовое дерево, мост, кувшин и окно – может быть башня, колонна...*» (девятая элегия Дунских элегий поэта, перевод проф. И.Г. Якушкина). Эта роль (одна из ролей) – называние материальных образов – дана нам в Эдеме...

Андеграунд и классицизм (как официальный «государственный» стиль)

Противопоставление андеграунда и официально обозначенных в культуре стилей методологически более совершенно выстраивать, представляя его особенности, по принципу: «Андеграунд – это не то и не то, и – не это...».

Классицизм, родившись в XVII в., становится признанным государственным стилем в XVIII в., некоей незыблемой «константой» всей культуры. Стиль, основой которого являются идеи стабильности, регулярности, «чистой» власти, доброго правления, справедливых общественных отношений. Он – наряду с барокко (которое продолжило *линию чувства*) – «дитя» великого Ренессанса (сам классицизм – продолжение Ренессанса в *линии разума*). Классицизм находится в парадигме амбиций системного (разумного) преобразования мира.

Классические традиции корнями уходят в античность, Рим, ещё ранее – Грецию, в её попытки разумного преобразования общества... Классицизм весь выстроен на идеалах античности, но выхолощенных, безжизненных, лишенных природного основания, к которому сами греки, как все древние, были, разумеется, близки. Произведения классицистов – пафосный постамент государственной идее. И стихи, и скульптуры величаво одеты в «тогу» гражданина и прославляют государство.

Нельзя забывать, что характерные для рождающегося классицизма поиски абсолютной красоты – являются проявлениями андеграунда. «Человеческий разум –

часть Божественного разума». Даже декартовский геометризм – попытки найти гармонию Рая. Но методы этого поиска почти сразу же лежат вне естества, вне живой веры в Бога, чувств, природы, они рациональны.

Поиски Рая находятся вне попыток рассудочных преобразований, они милосердно «выравнивают» и «уравновешивают» те уродливые перекосы, которые традиционно несёт в себе государство, рациональное по внутреннему своему содержанию: как-то догмат идеи, обесценивание личности, культивирование жизни единиц в ущерб остальным.

Культ **царя-героя** принес человечеству много горя. Он сохранил все свои «полномочия» и в прошедшем XX в. Прославленный «прогрессивный и цивилизованный» век «породил» монстров, как будто бы материализовавшихся из древневосточных деспотий... Безумные по своей жестокости войны, борьба за передел мира. «Век фюреров» – так иногда называют прошлое столетие...

Но и на переломе тысячелетий авторитаризм опять отстаивает свои привилегии путем экономических катаклизмов и спровоцированных конфликтов... Кто в этом «аду» вспомнит о *неповторимости каждой личности*, которая в процессе глубинного своего развития, рано или поздно должна прийти к мечте о возвращении Рая, почувствовать состояние Рая в андеграундном созидании и единении? Ни у кого не будет времени даже на кратковременную остановку, статику, осмысление собственного существования...

«Наша жизнь... не кончается в день нашей земной кончины. Наша жизнь продолжает иметь как бы отзвуки в жизни и судьбе других людей, начиная с самых близких. Наша личность, каждое наше слово, обращение, открытость или замкнутость сердца, сила убеждений, творческое исполнение нами добра или зла – кладёт на них неизгладимый отпечаток». В словах митрополита Антония Сурожского, которые я здесь привожу, речь идет о резонансе выводов и действий, относящихся к бытию каждого человека, о его влиянии – здесь подразумевается и метафизическое влияние – не только на настоящее, но и на будущее.

Таковую важность каждой личности трудно осознать нам, наследникам тоталитарного века. Даже имея относительно устойчивое по социальному устройству советское детство, всей российской историей мы получили крепкую «дозу» теории «маленького человека», которого любое его положение в метафизическом аспекте бытия ни к чему не обязывает. Может быть, это осознают наши дети, шагнувшие уже в иной информационный мир (лишённый любой навязанной центральной идеи) и получившие (только возможность) некой объективности оценки окружающего мира и право выбора.

Романтизм и андеграунд

Романтизм – стиль, развившийся, как, любой другой – не только в культуре (науках, философии и изобразительном искусстве), но и в самом образе жизни людей, в их понимании мира. Как и любой другой стиль, романтизм – начинался с потребности людей в красоте, в стремлении к Раю.

Мир, в понимании андеграунда горизонтален, т.е. ан-архично лишён под-чинённых построений. Даже Всевышний для них внутри – подальше от нескромных глаз.

Романтизм, в противоположность, выстраивает свои приоритеты в системе сложнейшей иерархии. Как пример – расцвет оккультных лож XVIII–XIX вв. (и их реанимация, централизованная, в фашизме). Ценное качество ранних романтиков (или сентименталистов) – внимание к личности, вскоре превращается в поиск исключительной Личности (вспомним Ницше и «...дух, всегда привыкший отрицать»). Романтизм полон брезгливости или ненависти к человеку, чем граничит с демони-

ческим пониманием духовности, «отказывая» миру в «разлитости» в нем Творца. Отсюда – стремление к господству Уникальности, общающейся с Абсолютом и являющейся его персонификацией. Личность для романтически настроенного мира правит самим миром не методом классицистов – социальными преобразованиями, законом, а энергиями. Усложнённая иерархия «низшего» мира духов («силы», «демоны», «получудища-полулюди», монстры, маньяки, «франкенштейны» и т.д.), возведение на мировой трон Героя. Герой этот (в отличие от родового вождя) не скован традициями, не является жертвенным царем, он избирается способом харизмы, так называемых «особых» откровений, «из грязи в князи». Это – гимн исключительности и концептуализма, – надежда номада и люмпенский шанс. На противоположной стороне этого располагается оставшийся народ – «пустая материя», безликая толпа, *без-лика* (это – коренное отличие от «ликования» коллективно созидающего андеграунда!) в собственном сознании.

Мир, с момента воцарения романтизма, молниеносно приблизился к узаконенным мировым войнам, первым PR отделам пропаганды – массовым «промыскам мозгов», где жертвой является именно эта «пустая материя», критерием жизненных ценностей для которой становятся приближение или удалённость от идейного владыки, карабкающейся на трон обезумевшей от собственного величия Вождя.

Романтизм как стиль появился в альтернативу классицизму. Реальным посылом для него послужили начавшиеся в начале XIX в. пристальное внимание к предметному наполнению мира, дроблению его, усталость от регулярности классиков. Чем более дробился мир, тем более метафизически он опустошался в сознании людей, наполнялся продуктами «распада» – смертью. Сакральное становилось скрытым в тайных знаниях и практикуется в эзотерических обществах, интерес к которым необычайно развивается в подобные периоды.

Жизнь в представлении романтиков проявляется в динамизме и катаклизмах мира, неуправляемости природных явлений и внезапности Бедствий. Природа вдруг теряет свой покой (вспомните полотна Эжена Делакруа и Карла Брюллова), стихии и катастрофы убивают людей, выпуская энергию разрушения, которая, в представлении романтиков, становится, чуть ли ни животворной. (Жажда слепого прорыва всегда порождает потребность в «спасителях», «чрезвычайках» и спец. средствах).

Романтизм и классицизм, завоевавшие мир, при огромной претенциозности, очень рано, почти в самом зачатке, истребили в себе черты андеграундности, Боготворчества: классицизм «устремился» преобразовывать общество, опираясь на «умное правление», романтизм же создал антиэтические построения, проникнувшие во множество позднейших философских течений и (в меньшей степени) в традиционализм с его претензией на «элитность» и «посвящённость» немногих.

Таким образом, ни классицизм и ни романтизм в проявленности своей не несут в себе признаков андеграунда.

Андеграунд и древность

Бог изначально разлит во всем... Но всё не было, конечно, ни домами, ни архитектурными сооружениями, ни ритуальными кострами, ни тайнами жрецов, эпохой, годом... минутой. Весь мир – был единой потенцией своего развития, и весь пронизан любовью, чувствованием друг друга частичек тела мира. В мире было сосредоточено всё сразу: и падение его и прощение, как в любом живом существе. Мир воспринимался – являлся ритмом, звуком, связями, и когда стал он самоопределяться, первыми обозначились в сознании человека те признаки Рая, которые до сих пор являются жизнеутверждающей основой мира: со-переживание, со-единение, любовь, естество созданной Богом Природы, без которой немислима жизнь...

Сакральным источником для андеграунда всегда является *древность*.

Образы искусства древних доказывают, что их *сознание* вмещало свободно все тончайшие проявления всеединства. Было даже Божество весеннего роста трав, но были и объективные обобщения и осознанное ритмизирование бытия и природы. Этот орнаментальный ритмический ряд необыкновенно тонок и сложен, но – не запутан, а логичен (скорее, *ладен*).

Древние не отделяли процесс творчества от жизни, воспроизведение красоты мира в художественных образах было сокровенным ритуалом сопричастности основным ритмам и законам всего существующего.

Ритмическая пластика, совокупность ритуальных фигур, которые чувствовались, а не знались, не заучивались и выполнялись гармонично с жизнью всего мироздания... были, по сути, спонтанным хепенингом, ликующей импровизацией каждого действующего лица общей мистерии, т.е. *андеграундом*... Непосредственное чувствование природы и партнёров, особые взаимодействия с окружающим отобрали в течение тысячелетий наиболее целесообразные пластические формы. Альянс с природой давал древнему человеку самое главное – понимание адекватности своей деятельности. В природе, как в зеркале, отражались поступки и порывы целых поколений... Такой образ жизни исключал самообожение отдельных личностей. Связь людей с природными просторами, стихиями и силами, всегда была мерилom не только их деятельности, но и отдельных помыслов, процесса познания, ограничивающего включение рассудка в изменение бытия. Это все стало, как указывалось признаками андеграунда.

Но самым главным источником информации и вдохновения в плоскости древнейших практик для андеграунда являются знаки-символы, которые прочитываются и которые актуализируются в андеграундном мировосприятии и миростроительстве. Очищение образов до символической их сущности во всех областях, где бы не существовал андеграунд – одна из форм его деятельности.

Знаменитый Джон Рёскин, английский писатель, публицист, художник, искусствовед и историк архитектуры XIX в. («предтеча» модерна), провозгласивший новую теорию архитектуры *естественных ландшафтов* и приближающихся к человеку пропорций и архитектурных ритмов, своей близкой к *андеграунду* теорией породил великий резонанс. Сейчас, в начале XXI в., когда становится совершенно ясно, что человечество с поглощением природы, поглотит и самое себя, принципы строительства модерна становятся «современными». Это особенно ошутимо сейчас в Европе, которая «наигралась» в титанов и ценит малое. Европе присущ выбор.

«Поиск своего лица» в XX веке и андеграунд

XX век показал миру деланную физиономию массовой культуры, мы ужаснулись и вспомнили о своих корнях не только в нарочитом, а вполне «реальном» и утилитарном смысле. Фундаментальное значение народной культуры для современности не является откровением. Интерес к национальным культурам, «этнику» мощно заявил о себе в Европе и России лет десять-пятнадцать назад. Достаточно назвать многочисленные музыкальные группы, собирающие и исполняющие кельтскую музыку или фольклор североамериканских индейцев... переосмысление театрального действия – от классически-сюжетного, моделирующего действие вокруг фигуры одного или нескольких героев к мистериальному, интерактивному, когда зрительская масса сама участвует в моделировании сюжетной канвы, становясь частью общего события, творя его судьбу. Как мы и указывали, в древнем мистериальном танце-ритуале не было зрителей, все были действующими лицами с пониманием незаменимости и значимости своего участия в событии.

Народные культуры получили мощный импульс и в современной России, стали развиваться естественным путем – не только в виде сентиментального подражания советского периода, а импровизационно, в духе свободного творческого переосмысления, ведь народные ритмы лечат психику переполненного суетливой динамикой человека в современном мире, возвращают к гармонии.

К такому, относительно пассивному (по отсутствию саморекламы), не субъективизированному источнику как народное творчество – обращается андеграунд всегда. Перелом и возвращения к корневым традициям мы можем наблюдать неоднократно на протяжении веков, в определенные моменты освобождения сознания людей от моноидеи.

Когда художники конца XIX и начала XX в. (модерн) обратились к народным орнаментам и мифологии, проникнув в их живую суть – это было «очищением» мифологических образов (столь любимых классицистами – этих «высоко мящих о себе» Аллегорий – Венер, Миневр, Аврор) до состояния ясного знака, внешне вполне предметного (как образы Климта), но по внутреннему содержанию... имеющего свойства формулы (например, Древа Жизни как преобразующегося фрактала). Творчество стало «мягким», доступным, человеколюбивым. Оно приблизилось к природным ритмам, и наша незамысловатая культура до сих пор питается этим импульсом.

Сейчас разрастающаяся экологическая волна – в будущем должна будет остро преобладать над тем, что мы называем промышленной цивилизацией. Несмотря на тяжеловесное сопротивление глобализма – наши внуки (или правнуки?) будут стремиться жить в минимально систематизированном и урбанизированном мире, в митре утонченных технологий и максимально возможном родстве с природой.

О «шестидесятых» XX в. много писали, они – притягательный символ и предмет поклонения у молодежи до сих пор. Внешность представителей альтернативной культуры того времени до сих пор является в нашем представлении типичной внешностью представителя андеграунда. Выросло шестидесятничество, по сути, на отрицании авторитарности, культа Героя, на связи двух поколений – военного и послевоенного. В России (Советском Союзе, не смотря на созданный культ фронтовиков) страдания «отцов», участвовавших в войне, их нереальная, плакатная оценка, выстраданность счастья, а также идеализация всей послевоенной ситуации, породили особый резонанс со стороны «детей», стремящихся интеллектуальными и чувственными усилиями освоить причины и преодолеть последствия катастрофы... В России появилось экспериментальное творчество, «бардовская» песня и «площадная» поэзия. Культура начала «переплетаться» со стремлениями к научным достижениям, и приоритет последних, тем не менее, не умалял творчества. Судьбы представителей альтернативной культуры были трагичны, слишком сильна была разница между внешним государственным официозом и внутренними устремлениями маленьких объединений самобытных и самоотверженных личностей, пытающихся высвободиться из-под жутких последствий авторитаризма.

В Европе родилась особая атмосфера молодёжного единства, так называемая «культура отверженных» («рупором» которого были предшествующие и близкие «року» течения) как «аллергия» на милитаристскую «культуру нуворишей», питавшей в свое время фашизм, вырастившей американскую действительность – присвоившую в имперской самоисключительности право на трактовку свободы. Эту атмосферу называли «религией 60-х». «Молитвой» её были новаторские музыкальные группы, где классическая и этническая музыка сливались с модернистскими исканиями: Оттуда – многочисленные демонстрации протеста жизнью и творчеством, утвер-

ждающие иной стиль жизни, естественную свободу для каждого, включая её трактовку и право на отказ от неё.

Многие так и останавливаются на собственно борьбе, но там, где независимость всё-таки случается, на плодородной почве ухода от зауженности и противоречивости приоритетов и прорастает андеграунд – единственность многообразия.

Соотношение личного и коллективного в человеческом андеграундном взаимодействии – является уникальной пропорцией и одной из жизненно важных формул – нахождения «золотого сечения» в данном аспекте общения, в процессе живой создающей творческой деятельности (а в случае андеграунда, еще и *основополагающей* деятельности). Творческое действие Человека в этой ситуации происходит в силу актуализации его созидательного, творящего и жизнеутверждающего потенциала. Человек приобретает особо важную категорию **незаменимости** в андеграундном миростроительстве – без назиданий и диктата, в атмосфере доверия и осознанности.